

УДК 821.161.1

НАРОДНАЯ МАССА У И.В. ГЕТЕ И АЛЛЮЗИИ В СОВРЕМЕННОСТЬ**Рубцова Е.В.***ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет Минздрава России», Курск,
e-mail: rubcova2@mail.ru*

В статье рассматривается изображение народной массы у И.В. Гете («Фауст»), сферой действия образа которой становится все пространство мира и вся глубина истории. Делается попытка анализа образа народа в качестве отправной точки, константы такого социально-психологического феномена, как двуединство толпа-народ, при оценке массовых демонстраций современности. Так тезис, что толпа способна выступить в качестве социально-психологической первоосновы народа, имеет аллюзию в событиях в СССР 1991 года. Гёте пророчески указал на знамение нашего времени во всем мире, в том числе и в России – стихийные манифестации и так называемые массовые беспорядки. Названы в «Фаусте» и их глубинные причины: они кроются в низком уровне общей культуры, духовной нищете, снижения роли государства в решении социальных проблем, в неудовлетворенности каких-либо социальных притязаний больших масс людей. Точным попаданием в современную общественно-политическую ситуацию выглядит мрачная картина положения государства, какую в «Фаусте» рисует в своем докладе императору канцлер страны.

Ключевые слова: народные массы, Фауст, Гете, аллюзии, современные исторические события**MASSSES OF PEOPLE FROM GOETHE AND ALLUSIONS TO MODERNITY****Rubtsova E.V.***Kursk Stat Medical University, Kursk, e-mail: rubcova2@mail.ru*

The article devoted to the masses, described by Goethe, which scope is world's space and the whole depth of the story. An attempt of analysis of the people image as a starting point, the constants of such a socio-psychological phenomenon as a unity of crowd-people, when evaluating the mass demonstrations of modernity, was done. So the thesis that the crowd is able to act as a socio-psychological principium of people, has an allusion to the events in the Soviet Union in 1991. Goethe prophetically pointed to the sign of our times in the whole world, including in Russia – spontaneous manifestations and so-called mass riots. Its reasons are named in «Faust»: a low level of general culture, spiritual poverty, reducing state's role in solving social problems, dissatisfaction of any social claims of large masses of people. The Chancellor of the country, paints the same state's grim situation to the Emperor in «Faust» as a modern social political situation.

Keywords: the masses, Faust, Goethe, allusions, modern and historical events

«Фауст» И.В. Гёте – философская трагедия, в которой главные вопросы бытия определяют и сюжетостроение, и систему образов, и художественную систему в целом.

Сферой действия становится все пространство мира и вся глубина истории, поэтому изображение народной массы у Гете таково, что демонстрирует все ипостаси этого образа. Невозможно не опереться на них, как на константы такого социально-психологического феномена, как двуединство толпа-народ, оценивая массовые демонстрации современности.

Любопытно, что народ в «Фаусте» возникает перед читателем раньше главных персонажей. Возникает как публика в споре директора, поэта и актера в «театральном вступлении», который не только касается существа искусства, но и содержит собирательный портрет зрителя.

Что может быть приятней многолюдства,
Когда к театру ломится народ
И в ревности дойдя до безрассудства,
Как двери райские, штурмует вход?
Нет четырех, а ловкие проныры,
Локтями в давке пробивая путь,

Как к пекарю за хлебом, прут к кассиру
И рады шею за билет свернуть [2; 127].
Именно на таких людей рассчитано представление. Публика характеризуется нелестно – как грубая, эстетически невзыскательная, жаждущая лишь «хлеба и зрелищ». Нарисуйте всякой всячины в кормежку: Немного жизни, выдумки немножко, Вам удастся этот вид рагу. Толпа и так все это превратит в крошку, Я дать совет вам лучше не могу [2; 129].

Сцена народного гуляния у городских ворот, штрихами обрисовывающая все слои населения типичного немецкого города эпохи средневековья, рождает иное восприятие народа. Мы видим служанок, сменивших фартуки на нарядные платья, подмастерьев, оставивших на день свои цеха, горожанок, мечтающих о воздыхателях, задорных студентов, состоятельных горожан, неспешно беседующих о делах магистрата, удалых солдат, крестьян окрестных деревень. Люди, празднуют окончание трудовой недели и наступление весны. Их объединяют веселое пение, задорная шутка, общая пляска. Праздник Пасхи не несет религиозно-

го смысла. Народ празднует, прежде всего, воскресение природы.

Важно еще и то, что народ у Гете способен понять и оценить усилия ученого, направленные ему – народу, во благо, жертвенность.

Входили вы к больным в барак

И выходили без вреда.

За близость с братиею низшей

Хранила вас десница свыше [2; 161].

Простолюдины благодарны Фаусту за его помощь «страдальческому миру» «в дни черной язвы», за то, что не пренебрегает их праздником и пиром, несмотря на свое положение.

Фауст и Вагнер по-разному воспринимают происходящее. Фауст Весенний праздник переживает как воскресение самого народа, который покидает тесные пределы средневекового города: из затхлых, тесных домов, из мастерских, где каждый был прикован к своему ремеслу, из мрака церквей, из душного города – в чисто поле, на свет.

...Ликуют

И старый и малый, в веселом кругу.

Здесь вновь человек я, здесь быть им могу!

Вагнер чуждается народа, боится и не понимает его:

...и не решился бы я

Один здесь оставаться с мужиками.

Их кегли, скрипки, крик и хоровод

Я наблюдаю с сильным отвращеньем:

Как бесом одержим, кривляется народ,

– И это он зовет весельем, пляской, пеньем! [2;162]

Так обозначены не только два противоположных взгляда – Фауста и Вагнера, но и мысль о соприсутствии в народном сознании и в самом бытии народа весьма противоречивых свойств. Тех самых, которые определяют характер массовых народных выступлений нового и новейшего времени.

Людское множество может быть воодушевлено благой целью (защиты страны, отвоевания суши у моря) или «добрыми чувствами» (благодарности, солидарности). Иначе говоря, толпа способна выступить в качестве социально-психологической первоосновы народа. Таковы, например, массовые манифестации 19-21 августа 1991 года в Москве, пока продолжался организованный ГКЧП путч или митинг 10 марта 1991 года, приуроченный к грядущему референдуму (прошел 17 марта) о будущем Советского Союза, недавний Крымский референдум. Но может остаться толпой.

Гётевский Фауст мечтает о том, чтобы просветить свой народ и переводит на немецкий Евангелие. И первая же строчка: «Вначале было Слово, и слово было Бог», – заставляет его усомниться. Он меняет текст

перевода и уверенно пишет: «Деяние – начало бытия». Основу развития цивилизации, идею прогресса, непрерывного движения вперед, созидательного труда герой связывает с народом. Аникст писал, что «многообразный человеческий фон» в высокой трагедии нужен «для напоминания, что человечество состоит не из одних Фаустов» [1; 94]. Однако помимо этого, здесь задается инерция трактовки образа народа в соответствии с должным: ожидаемой, заданной назначенной ему в истории ролью. «На фаустовской коллизии восстания против косного мира с целью создания иного, совершенного бытия во многом основывался миф новейшей истории, в России обусловленный восприятием революции 1917 г. как космического, а не только исторического события» [4].

Констатирует Гете и ряд отрицательных качеств в народе. Сцена «У ворот» диссоциирует со сценой в погребке Ауэрбаха, где показаны уже не здоровое веселье встречающих весну людей, а «гуляки очумелые», для которых:

Немного надо для веселья:

Давали б в долг из кабака

Да оставалась бы легка

Наутро голова с похмелья [2; 204].

Это грубое, натянутое веселье заставляет оценить народ, как чуждый высокому устремлению, довольствующийся низким временным препровождением. Конечно, это – прежде всего акцент, исходящий от Мефистофеля, но и Фаусту претит эта сцена, и он спешит избавиться от общества разгулявшихся студентов. Но тем не менее розыгрыш не вызывает в гуляках обиды и желания отомстить, они к шутке относятся как к шутке, что опять-таки отнюдь не умаляет, а напротив, извиняет и возвышает людей из народа.

Еще одной отрицательной чертой является слепое доверие. Люди из народа уверены в авторитете докторов, которые, по их мнению, знают свое дело и не могут причинить вреда. Фауст же сообщает о действительном положении вещей. Фаусту больно от воспоминания о том, что в лечении приходилось применять сомнительные или все губительные приемы.

Так мой отец своим мудреным зельем

Со мной среди этих гор и по ущельям

Самой чумы похлеще бушевал.

И какво мне слушать их хваленья,

Когда и я виной их умерщвления,

И сам отраву тысячам давал [2; 162].

Еще более легковерным, не сознающим губительности для себя предлагаемых рецептов, народ предстает в социальных вопросах и в осознании политических ориентиров.

Осмысливая последние десятилетия, убеждаемся, что политическая активность людей требует расширения форм выражения коллективного и массового мнения по тем или иным вопросам общественной жизни. Достаточно вспомнить массовые митинги в начале октября 1993 года, положившие начало открытому вооруженному противостоянию сторонников и противников президента Бориса Ельцина или митинги, вызванные протестными настроениями после парламентских выборов в декабре 2011 года, события в Украине последних лет.

Возвращаясь к Гёте, вспомним, как император отзывается о бунте в своей стране:

Толпа смела, ловок демагог.

Народ пошел, куда понес поток [2; 561].

Даже бунт, социальное действие, которое, казалось бы, созревает, вынашивается в народном сознании, не зависит от собственных взглядов людей из народа на характер власти императора. Люди выслушивают ораторские речи, воспринимают риторику постороннего и демонстрируют поведение, которого оратор и ожидал. Народ безропотно идет за тем, кто взял на себя роль предводителя:

Но властитель самозванный

Вдруг скомандовал – вперед.

И народ потек всем станом,

Стадной спайкою горя,

Словно овцы за бараном,

Под знамена лжецаря [2; 562].

Народ здесь предстает легко управляемым, не способным на самостоятельное мышление и самостоятельное действие, нуждающемся в лидере-покровителе. Так справедливо замечает М.С. Ермакова «... во времена выбора императора – желание всего населения римской империи немецкой нации иметь справедливого правителя» [3]. И снова – аналогия. Характерная особенность массовых беспорядков современности как раз и состоит в их политизации и в том, что они могут быть спровоцированы и использованы кем-то в борьбе за власть.

Это же доказывается в «Фаусте» сценой маскарада при дворе императора. Гостей убеждают, что не нужно попыток завладеть магическим золотом, а из толпы несутся крики:

Не бойтесь ничего. Драконы

Из деревяшки и картона.

Лупи их! Дай им тумака!

При упоминании о золоте, драконы кажутся декорацией, и при определенном стимуле люди даже могли бы отважиться на схватку с хранителями золота. Гёте провидчески указал на знамение нашего времени во всем мире, в том числе и в России – стихийные манифестации и так на-

зываемые массовые беспорядки. Названы в «Фаусте» и их глубинные причины: они кроются в низком уровне общей культуры, духовной нищете, снижения роли государства в решении социальных проблем, в неудовлетворенности каких-либо социальных притязаний больших масс людей.

Точным попаданием в современную общественно-политическую ситуацию выглядит мрачная картина положения государства, какую в «Фаусте» рисует в своем докладе императору канцлер страны. Все люди одержимы эгоистическими стремлениями: «В горячке своеволия большое царство мечется в бреду».

А поводом для стихийного выступления может стать любая внешняя провокация, связанная с экстремальными проявлениями жизнедеятельности социума. Так, после проигрыша российской сборной во время чемпионата мира по футболу в июне 2002 года болельщики устроили массовые беспорядки, а в декабре 2010 после гибели фаната «Спартака» в драке с выходцами с Северного Кавказа на Манежной площади прошла стихийная манифестация националистически настроенной молодежи. Толпа (исходя из законов ее психологии) возбуждает, поддерживает и активизирует антиобщественное поведение, в ней действует эффект отрицательного психического заражения и люди становятся все более несдержанными. Вспоминается уже цитированное нами из Гёте: «...Ломится народ... дойдя до безрассудства, Как двери райские, штурмует вход», «Немного надо для веселья», «Как бесом одержим, кривляется народ».

Вспомним, что в сцене маскарада для толпы еще привлекательнее мысль не отговаривать, а просто присвоить чьи-нибудь драгоценности:

Пустите! Денег сколько! Страсть!

Неужто дать им так пропасть?

Вот деньги на полу лежат,

Возьми, и будешь ты богат,

А лучше сзади подойдем

И завладеем сундуком [2; 367].

Народ, как становится понятно, может быть безрассуден, беспринципен, одержим возможностью безнаказанной наживы. Однако когда у одного из участников маскарада загорается костюм, гости «сбегаются, чтоб затоптать / Воспламененной пакли прядь». Но под этой маской скрывался сам император, которому, правда, безразлично, что творится с его государством и как живет его народ; его тревожит одно: как пополнить казну, чтобы пуститься в новые траты, не утруждая себя заботами о благополучии страны). Но так выходит, что, устраняя опасность, грозящую неизвестному ряже-

ному, народ спасает своего императора, то есть во многом определяет дальнейшее течение истории своей страны.

Обращают на себя внимание в «Фаусте» и отдельные характеристики народа, указывающие на высокие моральные качества и его потенциал как исторической силы.

У нас в войсках иной разбор.

Солдат не вор, не мародер,

И к нам на службу лишь идет

Высокой честности народ [2; 580].

Или, например:

Народ, умеющий бороться,

Всегда заделает прорыв [2; 610].

Таким образом, у Гёте образ людского множества имеет доминирующие черты, которые позволяют квалифицировать его или как толпу – стихийное, разрушительное начало, или как народ – начало созидательное, единственное. Правда, второе воплощение предстает пока только в воображении ослепленного Фауста, который слышит, как лемуры копают могилу, но полагает, что работники, выполняя трудовую задачу, копают траншеи. Но оно звучит:

Народ свободный на земле свободной
Увидеть я б хотел в такие дни [2; 423].

Концепция народа, предложенная Гёте, проецируется в современную действительность, это очевидно. Проведенный анализ изображения народной массы писателем демонстрирует, как константы такого социально-психологического феномена, как двуединство толпа-народ, являются отправными моментами при оценке массовых демонстраций современности.

Список литературы

1. Аникст А.А. «Фауст» Гёте. Литературные комментарии. – М.: Просвещение, 1979. – 240 с.
2. Гёте И.В. Фауст // Избранные произведения в 2-х тт., Т. 2. – М.: Правда, 1985. – 704 с.
3. Ермакова М.С. Поиски истины Фаустом Гёте // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 4 (25). – С. 108–110; URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/poiski-istiny-faustom-gyote> (дата обращения: 01.02.2017).
4. Рубцова Е.В. Фауст в русской поэзии и прозе XX века // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 10–3. – С. 499–503; URL: <http://applied-research.ru/ru/article/view?id=10378> (дата обращения: 31.01.2017).